

ТЕНДЕНЦИИ

И

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

ТОМ 4

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИИ**

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
2016–2020**

Вологда • 2020

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Научные руководители:

чл.-кор. РАН Ильин Владимир Александрович

д.э.н. Шабунова Александра Анатольевна

д.э.н. Ускова Тамара Витальевна

Том 4

**Социально-демографическое
развитие России**

Вологда • 2020

УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)
Т33

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Т33 Тенденции и проблемы развития территорий : научные труды 2016–2020 гг. : в 6 т. / под науч. рук. чл.-кор. РАН В.А. Ильина, д.э.н. А.А. Шабуновой, д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020.

ISBN 978-5-93299-472-6

Редакционная коллегия издания:

Ильин В.А. (председатель),
Шабунова А.А. (зам. председателя), Ускова Т.В. (зам. председателя), Бабич Л.В.,
Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Мазилов Е.А., Морев М.В., Третьякова О.В.

Начиная с 2005 года, каждые пять лет, ВолНЦ РАН выпускает сборники избранных научных трудов. К 15-летию научного центра в 2005 году был издан первый сборник в трех томах. В нем представлены результаты исследований проблем развития региональной экономики и общества в период трансформации административно-командной системы на рыночные принципы хозяйствования. Особое внимание уделено механизмам экономического и социального развития территорий в условиях рынка.

К 20-летию научного учреждения приурочено выпущенное в 2010 году второе собрание избранных трудов в четырех томах. В нем освещаются вопросы регионального развития в период восстановительного роста российской экономики, обосновываются методы преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и резервы ускорения региональной экономики.

К 25-летию со дня основания научного центра вышел в свет третий сборник научных трудов в шести томах. В него включены избранные труды по проблемам территориального развития в 2010–2015 гг. Основной акцент сделан на вопросах эффективности управления социально-экономическими процессами, механизмов модернизации экономики и общества, ускорения экономического роста и изменения его качества, развития потенциала территорий.

К 30-летию Вологодского научного центра РАН подготовлено настоящее, четвертое собрание избранных научных трудов. Они представлены в шести томах, каждый из которых объединяет работы, связанные с развитием Российской Федерации в условиях крайне неблагоприятной внешней среды. При обострении глобальных вызовов, которые оказывают существенное влияние на реализуемую социально-экономическую политику, коллектив научного центра сосредоточил исследования на поиске организационно-экономических механизмов управления социально-экономическими процессами, обеспечивающими эффективность государственного управления и национальную безопасность. Особое внимание в работах вологодских ученых уделено связанности экономического пространства, устойчивому росту экономики и развитию территорий, гуманизации общества, решению наиболее острых социальных проблем.

Издание предназначается работникам органов власти и управления всех уровней, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам и всем, кто интересуется проблемами региональной экономики, управления и территориального развития.

**УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)**

ISBN 978-5-93299-472-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Том 1

Эффективность государственного управления

Эффективность государственного управления.

Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора

Национальная безопасность России:

проблемы обеспечения экономического роста

Том 2

Управление социально-экономическими системами

Эффективность государственного управления:

проблемы и методы повышения

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном

хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития

Социальная ответственность бизнеса:

проблемы и перспективы развития

Том 3

Развитие экономики региона

Анализ и моделирование экономики
на основе межотраслевого баланса

Организация и факторы новой индустриализации

Внутрирегиональная
социально-экономическая дифференциация

ТОМ 4

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Социальная уязвимость в региональном сообществе:
эксклюзия и современные механизмы ее преодоления

Качество молодого поколения
в контексте модернизации России

Том 5

Общество в эпоху перемен

Социальное государство в России:
проблемы и перспективы

Гражданское общество – общество граждан

Учитель и образовательная реформа:
взгляд из региона

Том 6

Развитие научно-технологического пространства и предпринимательства

Научно-технологическое пространство и прогнозирование
его развития в условиях глобальной конкуренции

Малое предпринимательство в экономике территорий

Механизмы повышения инновационной активности промышленных
предприятий: проблемы разработки и внедрения

УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)
Т33

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Т33 Тенденции и проблемы развития территорий : научные труды 2016–2020 гг. : в 6 т. Т. 4 : Социально-демографическое развитие России / под науч. рук. чл.-кор. РАН В.А. Ильина, д.э.н. А.А. Шабуновой, д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – 592 с.

ISBN 978-5-93299-476-4 (т. 4)
ISBN 978-5-93299-472-6

*Коллектив авторов тома 4
под научным руководством чл.-кор. РАН Ильина В.А.,
д.э.н. Шабуновой А.А., к.э.н. Калачиковой О.Н.:*

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Груздева М.А.,
Барсуков В.Н., Головчин М.А., Кондакова Н.А., Короленко А.В. Ласточкина М.А.,
Нацун Л.Н., Попов А.В., Разварина И.Н., Смолева Е.О., Устинова К.А.

В четвертом томе представлены труды сотрудников ФГБУН ВолНЦ РАН, опубликованные в 2015–2020 гг. В них исследуются актуальные проблемы социального развития и общественных трансформаций, обусловленных, в том числе, демографическими процессами. Исследования касаются положения, условий формирования и реализации человеческого потенциала таких социальных групп, как дети, многодетные семьи, пожилые люди, инвалиды и молодые специалисты. Представленные монографии – результат реализации двух проектов, поддержанных Российским научным фондом.

Основная идея тома заключается в том, что гуманизация затрагивает все сферы жизнедеятельности, меняя сами цели социально-экономического развития, что, в свою очередь, требует его нового понимания и адекватных концептуальных основ и инструментов управления.

Представленные материалы будут интересны широкому кругу специалистов.

**УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)**

ISBN 978-5-93299-476-4 (т. 4)
ISBN 978-5-93299-472-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

На каждом историческом этапе развития экономики и общества перед страной стоят задачи, направленные на достижение актуальных для этого периода времени целей и решение наиболее острых, волнующих практически каждого гражданина проблем. Выделение таких периодов связано прежде всего с процессами, происходившими в стране, и внешними вызовами, которые оказывали на нее наиболее сильное воздействие.

В истории Российской Федерации, вступившей на путь рыночных преобразований в начале 90-х годов прошлого века, можно условно выделить несколько периодов. В первом из них, который охватывал начало реформ и продолжался до нового тысячелетия, формировались основы рыночного хозяйствования. Он характеризовался крайне негативными процессами в экономике и обществе. Валовой внутренний продукт как важнейший индикатор успешности экономического развития снизился в сопоставимой оценке более чем в 2 раза. Спад рождаемости и рост смертности привели к резкому сокращению численности россиян. Уровень бедности достиг небывалых масштабов: за чертой бедности оказалась четверть населения страны. Наиболее острой задачей в эти годы было переломить негативные тенденции.

Сделать это удалось только к 2000 году. Именно тогда начался следующий исторический период (2000–2008 гг.) – быстрый восстановительный рост экономики. Среднегодовые темпы ее прироста составляли в среднем 6,5%. ВВП страны вырос на 63%, промышленное производство – почти на 49%; положительные тенденции были характерны и для регионов. В эти годы, еще называемые «тучными», удалось решить ряд социальных задач, повысить уровень жизни населения, остановить спад его численности. Перед страной стояли задачи не только внутреннего развития, но и выхода в мировые лидеры.

Однако мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал причиной смены роста экономики резким падением, обострения социальных проблем и неопределенности перспектив. Границы этого периода – с 2009 г. по настоящее время. С 2010 г. начался посткризисный подъем экономики, который постепенно замедлялся. К 2015 г. экономический рост сменился падением, в результате чего началось снижение денежных доходов населения и рост бедности. Существенно повлияли на экономику санкции, введенные западными государствами после присоединения Россией Крыма. В последние годы основные социально-экономические показатели не демонстрируют заметного улучшения

положения дел в экономике и обществе. Ежегодный прирост ВВП России балансирует в пределах 1,5–2%. Модернизационные процессы тормозятся из-за недостатка инвестиций. Уровень бедности практически не снижается. Снова происходит сокращение численности населения. Все явственнее звучит угроза закрепления за страной статуса сырьевого придатка экономик ведущих западных государств. Актуальнейшей для нее задачей стал поиск путей развития в условиях крайне неблагоприятной внешней среды.

К решению проблемы адекватного и своевременного ответа на глобальные вызовы подключается не только руководство страны и ее территорий, но и отечественная наука. Не остается в стороне и Вологодский научный центр РАН, который в декабре 2020 года отметит свое 30-летие.

Его становление и развитие совпало с периодом трансформации в стране. В декабре 1990 года директором Института экономических проблем Кольского научного центра Академии наук СССР был подписан приказ о создании, в статусе отдела, Вологодского научно-координационного центра, который возглавил, а затем 25 лет руководил им доктор экономических наук **В.А. Ильин** – ныне научный руководитель Вологодского научного центра, член-корреспондент РАН.

За прошедшие годы статус научного учреждения неоднократно менялся. В 1993 году Вологодский научно-координационный центр стал самостоятельным учреждением в составе Отделения общественных наук Российской академии наук. В 1997 году он был зарегистрирован как Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института РАН. Этот шаг позволил существенно расширить масштаб и тематику деятельности, улучшить качество выполняемых работ, что в 2009 году стало основанием для переименования центра в Институт социально-экономического развития территорий РАН и открыло новые возможности для развития. Целенаправленная реализация этих возможностей, укрепление авторитета в научном сообществе позволили институту не только менее болезненно войти в период реформирования Российской академии наук, но и укрепить свои позиции. В августе 2017 года на базе Института социально-экономического развития территорий РАН путем присоединения к нему обособленного подразделения Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства была создано Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Его директором избрана доктор экономических наук, доцент **А.А. Шабунова**.

Как уже отмечалось, развитие академического учреждения на Вологодчине происходило в сложных условиях переходного периода. Все эти годы Научный центр видел своей главной целью методическое сопровождение социально-экономических преобразований первоначально на уровне одного субъекта РФ – Вологодской области, затем регионов Северо-Западного федерального округа и страны целом. Для успешного достижения этой цели руководство Центра решало задачи поиска и подготовки квалифицированных специалистов, укрепления материально-технической базы, расширения тематики научно-исследовательских работ, повышения их качества, научной и практической значимости.

За тридцатилетний период научными сотрудниками ВолНЦ выполнен большой объем научно-исследовательских работ, основные результаты которых нашли отражение в многочисленных статьях, отчетах о НИР, монографиях. К юбилейным датам Центра публиковались собрания его трудов, в которых представлялись наиболее важные достижения за последние пять лет. Так, в 2005 году к 15-летию ВНКЦ ЦЭМИ РАН вышло в свет первое собрание избранных работ «Тенденции и проблемы развития региона» в 3-х томах. В 2010 году выпущено второе, четырехтомное собрание трудов под тем же названием. Оно было приурочено к 20-летию ИСЭРТ РАН. В 2015 году к 25-летию со дня основания ИСЭРТ РАН издано третье собрание научных трудов в шести томах – «Тенденции и проблемы развития территорий». Не стал исключением и этот юбилейный год. К 30-летию ВолНЦ РАН подготовлено четвертое собрание избранных научных трудов в шести томах «Тенденции и проблемы развития территорий». Каждый из шести томов объединяет работы, тематика которых отражена в названии тома.

Первый том «Эффективность государственного управления» содержит монографические работы, нацеленные на решение задач в сфере повышения эффективности управления, прежде всего на федеральном уровне, и укрепления безопасности страны.

Открывается он монографией, подготовленной на основе статей главного редактора ведущего периодического издания ВолНЦ РАН – журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» – за 2012–2018 гг. В ней акцентируется внимание на современных проблемах государственного управления. Оценка его эффективности осуществляется на основе анализа стратегических решений, принятых на федеральном уровне и определяющих тенденции развития экономики и общества в 2012–2018 гг., через призму субъек-

тивного восприятия населением динамики уровня и качества жизни, социальной справедливости, реализации национальных интересов, тенденций развития гражданского общества. Для этих целей, наряду с анализом экспертных мнений и официальных статистических источников, авторы широко используют результаты социологических исследований.

В данный том вошла также монография коллектива авторов, в фокусе внимания которых находится проблема достижения высоких темпов экономического роста как важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности страны. В книге выявляются ключевые угрозы и обосновываются возможности повышения роста российской экономики. Для этого предлагается комплекс эффективных механизмов диверсификации промышленности, доказывається необходимость неоиндустриализации, государственной поддержки малого и среднего бизнеса, повышения инвестиционной активности, регулирования движения капитала. Разрабатываются меры по снижению уровня внутрирегиональной дифференциации, корректировке межбюджетных отношений.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, М.В. Морев (отв. за подготовку), Т.В. Ускова, К.А. Гулин, А.Н. Чекавинский, Е.В. Лукин, Е.А. Мазиров, А.Е. Кремин, Н.В. Ворошилов, С.А. Кожевников, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонидова, А.В. Попов, А.М. Панов, А.В. Галухин, А.И. Поварова, М.А. Печенская.

Во втором томе «Управление социально-экономическими системами» представлены работы, в которых раскрываются проблемы управления социально-экономическими системами регионального уровня и предлагаются методы повышения его эффективности.

Акцентируя внимание читателей на проблеме необходимости повышения эффективности управления территориальными социально-экономическими системами, авторы обосновывают возможность использования в деятельности региональных органов государственной власти и местного самоуправления таких методов, как проектное управление, бенчмаркинг, краудсорсинг, SMART-технологии.

В работе подчеркивается важность развития взаимодействия власти, бизнес-структур и институтов гражданского общества в форме государственно-частного партнерства. В качестве одного из эффективных инструментов этого сотрудничества рассматривается социальная ответственность бизнеса.

Авторы работ, опубликованных в томе: Т.В. Ускова (отв. за подготовку), С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова.

В третий том «Развитие экономики региона» включены монографические труды, исследующие различные аспекты устойчивого развития региональной экономики.

В частности, авторы выявляют ключевые проблемы региональной экономики, важнейшие факторы устойчивого развития и предлагают методический инструментарий его обеспечения. Они показывают, что преодоление кризисных явлений и выход на траекторию устойчивого экономического роста требуют активного включения государства в регулирование воспроизводственных процессов путем корректировки государственной экономической политики. Разработанные авторским коллективом межотраслевые модели позволяют оценивать последствия регулирующих воздействий.

В книге доказывается, что устойчивое развитие региональной экономики невозможно без развитого производственного сектора и снижения уровня территориальной дифференциации. В этой связи большое внимание уделено промышленной политике, важнейшим направлением которой выступает новая индустриализация, а также региональной социально-экономической политике, преследующей цели снижения масштабов территориальных различий и преодоления негативных последствий.

Авторы работ, опубликованных в томе: Т.В. Ускова (отв. за подготовку), Е.В. Лукин, С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова, А.Е. Мельников, Е.С. Губанова, Н.В. Ворошилов.

Четвертый том «Социально-демографическое развитие России» посвящен гуманизации общества как одному из векторов модернизационных процессов, развернувшихся в современной России.

Авторы обосновывают тезис о том, что переход к новой модели экономического роста требует активизации человеческого капитала, основы воспроизводства которого закладываются в еще детстве. Они доказывают, что молодое поколение, обладающее колоссальным инновационным потенциалом, является стратегическим ресурсом развития, поэтому важнейшей государственной задачей становится демографическое сохранение молодого поколения, укрепление его здоровья, интеллектуальное и творческое развитие.

Особое внимание авторов сосредоточено на проблеме реализации трудового потенциала разных групп населения. Показаны особенности социально-экономического положения таких категорий, как пожилые, лица с ограниченными возможностями здоровья, многодетные роди-

тели и молодые специалисты, выявлена их социальная уязвимость, предложены механизмы включения их в трудовую деятельность.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.А. Головчин, М.А. Груздева, О.Н. Калачикова (отв. за подготовку), Н.А. Кондакова, А.В. Короленко, М.А. Ласточкина, Г.В. Леонидова, Л.Н. Нацун, А.В. Попов, И.Н. Разварина, К.А. Устинова, Е.О. Смолева, В.Н. Барсуков.

Пятый том «Общество в эпоху перемен» составляют монографические работы, исследующие социальные вопросы, прежде всего – формирования в России социального государства, развития гражданского общества и реформирования системы школьного образования.

Авторами выявлены наиболее острые проблемы социального развития российского государства; обосновано, что первостепенной задачей государственной власти должно стать обеспечение развития общества исходя из принципов социальной справедливости и взаимной ответственности. Это может быть реализовано путем организации работы социальных лифтов, создания равных условий для продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта. В книге показана роль гражданского общества как индикатора развития социального государства, определены главные факторы его становления в России, обоснована необходимость активизации участия широких слоев населения в общественно-политической жизни страны. Обобщены результаты мониторингового исследования социального самочувствия и социально-профессиональной активности элиты регионального сообщества – учителей – в период реформирования школьного образования, выяснены перспективы учительской профессии в контексте перехода от программно-целевого к проектному подходу в управлении образованием.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.В. Морев (отв. за подготовку), А.И. Поварова, Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Т.А. Гужавина, Е.О. Смолева, В.С. Каминский, К.Е. Косыгина, Ю.В. Уханова, А.В. Попов, А.И. Россошанский.

Шестой том «Развитие научно-технологического пространства и предпринимательства» включает в себя работы, посвященные проблемам научно-технологического развития как важнейшего императива России на современном этапе.

Авторы монографических трудов проводят анализ уровня научно-технологического развития российских территорий, выявляют

наиболее острые проблемы, в числе которых высокий уровень неравномерности развития научно-технологического пространства, предлагают концептуальный подход к управлению его развитием. Они доказывают, что важнейшим фактором научно-технологического развития выступает организация и ведение инновационной деятельности. В этой связи ими разработаны методические подходы и инструментарий, нацеленные на повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в условиях растущей конкуренции на региональных рынках. В книге раскрыта роль малого предпринимательства в социально-экономическом и инновационном развитии локальных территорий.

Авторы работ, опубликованных в томе: К.А. Гулин, С.В. Теребова, Е.А. Мазилев (отв. за подготовку), Д.А. Алферьев, К.Б. Квитко, А.Е. Кремин, Н.О. Якушев.

Хотя настоящее собрание трудов представлено в шести томах, все же это только часть монографий, выпущенных Вологодским научным центром за 2016–2019 гг. Их полный перечень можно найти на веб-сайте Центра.

Полагаем, что данное издание поможет читателям сформировать общее представление о деятельности нашего научного учреждения, познакомиться не только с основными направлениями научно-исследовательских работ, выполняемых вологодскими учеными, но и важнейшими научными результатами, внедрение которых в практику управления позволяет успешно преодолевать социально-экономические проблемы как на региональном, так и федеральном уровне.

Решение острейших задач современности, поиск ответов на глобальные вызовы, повышение эффективности государственного управления с целью обеспечения национальной безопасности, достижения нового качества роста российской экономики, построения социального государства, обеспечивающего социальную справедливость и реализацию потенциала каждого гражданина, – все это предусматривается в перспективных планах ВолНЦ РАН. Надеемся, что осуществление задуманного будет способствовать повышению качества жизни россиян, наращиванию потенциала и конкурентоспособности страны, позволит Российской Федерации укрепить позиции среди стран – мировых лидеров.

Т.В. Ускова,

*заместитель директора ВолНЦ РАН по научной работе
д.э.н., профессор*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ 4

В основе развития всех сфер жизнедеятельности находится человек. Гуманизация как один из векторов модернизационных процессов – важный аспект не только социального, но и экономического, политического развития России в XXI в. Для успешной социализации, благополучия человека в условиях изменяющейся социальной реальности от него требуются новые свойства и качества, развитие которых происходит в детском возрасте. В свою очередь, готовность социальных институтов, участвующих в воспроизводстве населения, как в количественном, так и качественном аспектах, к формированию «нового» человека – вопрос открытый. При сохраняющейся проблеме неудовлетворительного качества жизни населения страны при его существенной дифференциации особенно актуальны задачи социального государства. Это касается в особенности тех групп населения, которые по ряду критериев относятся к социально уязвимым. Новая волна депопуляции еще более остро ставит вопрос об оценке их потенциального вклада в социально-экономическое развитие и о пересмотре их положения в обществе.

Этим проблемам посвящен 4 том юбилейного многотомника ФГБУН ВолНЦ РАН, в котором читатель может познакомиться с двумя монографиями, изданными по результатам реализации исследовательских проектов при поддержке Российского научного фонда.

Первым из них стал проект *«Качество детского поколения в контексте модернизации России»*, реализованный под научным руководством д.э.н. Шабуновой А.А. в 2014–2016 гг. Результаты проведенного многопланового исследования воплотились в коллективной монографии **«Качество молодого поколения в контексте модернизации России»** (Шабунова А.А., Головчин М.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н., Кондакова Н.А., Короленко А.В., Ласточкина М.А., Леонидова Г.В., Нацун Л.Н, Попов А.В., Разварина И.Н., Устинова К.А.). Проблемы исследования детей крайне актуальны. Ведь для того чтобы привести в действие новую модель экономического роста, реализовать многоплановые реформы, требуется активизация человеческого капитала, основы воспроизводства которого закладываются именно в детстве.

Детский и юношеский возрасты являются теми периодами, в которых происходит становление ценностного восприятия мира и культурной идентичности человека. Качественная смена поколений служит одной из ключевых движущих сил модернизационных изменений, а молодежь несет в себе колоссальный инновационный потенциал, стратегический ресурс развития, поэтому ее демографическое сохранение, укрепление здоровья, интеллектуальное и творческое развитие выступают важней-

шей государственной задачей. Иначе говоря, от здоровья детей и молодежи, выбора ими профессии, ценностных ориентиров, знаний, умений и навыков зависит то, какой страна будет через 20–30 лет.

Комплексный анализ современных взглядов на проблемы российского молодого поколения, представленный в коллективной монографии, позволил выявить основные направления в осмыслении места и роли молодежи в настоящем и будущем России.

На основе использования официальной статистической информации, данных социологических мониторингов и фокус-групп в монографии рассмотрены особенности молодежи как социально-демографической группы, социокультурные факторы реализации ее модернизационного потенциала, процессы ее социализации, образования, инновационной и трудовой активности, здоровья и развития. Авторы постарались передать весьма важные аспекты понимания того, что каждый этап развития детей, начиная с раннего, чрезвычайно важен для формирования модернизационного потенциала молодого поколения. Особый интерес представляет анализ уникального медико-социологического исследования, в котором тесно переплелись медицинские оценки здоровья детей с самого момента их рождения и социологические характеристики их дальнейшего физического и психического развития. Плотное сотрудничество авторов с семьями обследуемых детей дало возможность определить факторы формирования показателей здоровья, включая факторы риска, предложить конкретные рекомендации по решению выявленных проблем в целях повышения качества молодого поколения.

Второй проект в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00078 *«Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества»*) реализован в 2016–2018 годах научным коллективом ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» под руководством чл.-кор. РАН д.э.н., проф. Ильина В.А. Полученные результаты легли в основу коллективной монографии **«Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления»** (Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Ласточкина М.А., Устинова К.А., Попов А.В., Нацун Л.Н., Смолева Е.О., Барсуков В.Н.). Монография, получившая признание в Российском обществе социологов и высокую оценку научного сообщества в целом, заняла *1 место в конкурсе публикаций Российского общества социологов-2018 в номинации «Коллективные монографии»*.

В XXI веке ключевой тенденцией является переход от индустриального к постиндустриальному обществу с главенствующей ролью нематери-

альных факторов (институциональных, культурных, этнонациональных и др.), влияющих как на изменение структуры общественного производства, так и в целом на осуществление модернизационных процессов. Наряду с экономическими факторами ментальные стереотипы и барьеры могут оказывать негативное влияние на реализацию трудового потенциала разных групп населения, приводить к росту социальной напряженности и формированию общества неравных возможностей. Соответственно ментальность может выступать в качестве фактора, сдерживающего социально-экономическое развитие территорий, однако в случае создания необходимых условий для преодоления сложившихся барьеров ментальность можно рассматривать в качестве «движущей силы» преобразований. Это обстоятельство приводит к необходимости внесения коррективов при осуществлении социально-экономического развития в направлении большего учета ментальных черт населения.

Актуальность исследования определяется тем, что в российском обществе все большее распространение получают процессы социального исключения отдельных групп населения, отличия которых вызваны их особым положением, статусом в социуме. К ним относятся многодетные семьи и одинокие матери, инвалиды, пенсионеры и др. Социальная эксклюзия этих категорий населения проявляется в ограничении доступа к правам, материальным и нематериальным благам.

На основе данных репрезентативных социологических опросов ФГБУН ВолНЦ РАН, а также качественных исследований в монографии описаны особенности положения социально уязвимых категорий населения Северо-Западного федерального округа: пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями здоровья, многодетных родителей, молодых специалистов. Детальному анализу каждой из выделенных групп посвящена отдельная глава. Например, анализ жизненных стратегий работающих и неработающих пенсионеров показал, что они выстраиваются по принципиально различным траекториям, при этом ментальные барьеры инклюзии старшего поколения во многом определяются личным восприятием своего возрастного статуса и, соответственно, положения в обществе. Авторами сделан вывод о снижении скептицизма регионального сообщества относительно возможности социальной интеграции инвалидов, росте толерантности общества, чему способствует реализация программы «Безбарьерная среда». Социальная уязвимость многодетной семьи во многом связана со сферой трудовой деятельности, и прежде всего с негативным отношением со стороны работодателей.

Надеемся, что представленные материалы будут интересны широкому кругу специалистов.

СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: экслюзия и современные механизмы ее преодоления

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ
В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ**

**ЭКСКЛЮЗИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ
МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

ВОЛОГДА 2018

ВВЕДЕНИЕ

Современная социально-экономическая ситуация в развитых странах складывается в контексте серьезных демографических, этнонациональных, религиозных, политических, социокультурных и экономических трансформаций. Особое место в происходящих изменениях занимают социокультурные преобразования. Эти процессы сопровождаются усложнением социальных отношений. Человек становится решающим фактором не только развития страны, но и национальной безопасности, сохранения её суверенитета¹. Значимость социокультурных трансформаций определяется тем, что именно они задают социальный контекст модернизации территорий и «наиболее глубинное её содержание»: человек сам должен стать другим, чтобы сделать страну процветающей². Ключевыми моментами социокультурной составляющей модернизации, по мнению экспертов, являются условия труда, быта и отдыха широких слоев населения, их знания и умения, участие в принятии решений о развитии страны, взаимное доверие граждан и власти³. Н.И. Лапин считает, что *«модернизированным можно считать такое состояние страны, когда величины измерений – статистические данные об условиях жизнедеятельности населения и оценки этих условий самим населением – будут сбалансированы, а уровень каждого из них окажется не ниже среднего для стран соответствующего мегарегиона человеческого сообщества»*.

¹ Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 9-31. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.1; Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Там же. 2017. Т. 10. № 4. С. 9-40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1.

² Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 6.

³ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Что такое – социальная база модернизации? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=eff20f41-11d1-4b38-9766-8036d129054d> (дата обращения: 17.09.2018).

Круг вопросов, связанных с социокультурной трансформацией, является особенно актуальным для нашей страны. Во-первых, потому что сегодня можно с полной уверенностью говорить о восстановлении геополитического статуса России после его фактически утраты в результате распада Советского Союза: в 2010-х гг. Российская Федерация играет одну из ключевых ролей на международной арене, и поэтому все турбулентные процессы, которыми характеризуется современный этап развития мировой цивилизации, отражаются на ней в первую очередь. Не следует также забывать и о том, что концепция «русского мира», сформировавшаяся в 2010-х гг., представляет собой прежде всего именно социокультурную (а не экономическую) альтернативу западному «обществу потребления».

Во-вторых, несмотря на массу переломных моментов и кризисных состояний, пережитых современными российскими поколениями за последние 30 лет, нельзя не отметить, что для российского общества остаются крайне значимыми традиционные ценности. Об этом говорит и по-прежнему актуальная проблема патернализма, которая в русле новых целевых установок, обозначенных Президентом в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г., приобретает всё более отчетливые очертания; и структура институционального доверия, в которой глава государства, церковь, армия (то есть традиционные для российского менталитета институты) занимают лидирующее положение; и тот эффект, который приобретают в обществе выступления главы государства, обращенные именно к ментальным, социокультурным его основам (в частности, выступления на Валдайском форуме и др.).

Исключительную важность социокультурного контекста для нашей страны актуализирует тот факт, что Россия, согласно ст. 7 Конституции, является социальным государством⁴. Одна из основных задач социального государства на уровне управления – помощь тем, кто терпит лишения, «служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия»⁵. Однако такие социальные различия существуют в любом обществе и играют двоякую роль, порождая глубокие противоречия между реальным положением и потребностями индивида, социальной группы. Одно из таких противоречий – социальное неравенство – становится важным механизмом развития социума,

⁴ Статья 7. п. 1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

⁵ Мунтян М.А. Государство в меняющемся мире // Исторический процесс и проблемы развития России. М., 1998.

и в этом его положительная роль. Однако, когда в обществе перестают работать социальные лифты, позволяющие каждому конкретному индивиду эффективно и безболезненно реализовывать свои потребности в повышении социального и материального статуса, неравенство может стать деструктивным фактором, создающим угрозу социальной стабильности⁶. В этом случае главной функцией социального государства как института, задающего «правила игры» в общественном развитии за счет своей законотворческой деятельности, является поддержание такого баланса, при котором социальное неравенство обеспечивает эволюционное поступательное развитие всех слоев социума.

Российская действительность в плане социокультурных преобразований имеет свою специфику. Она связана в первую очередь с наличием большой доли бедного населения, значительных по численности социально уязвимых групп людей, слабостью гражданского общества. В этом аспекте модернизация заключается, прежде всего, в росте числа рабочих мест, достойной оплате труда, преодолении социальной исключенности (экслюзии), развитии институтов гражданской активности и т.д. Ярким примером социальной экслюзии являются маргинальные группы населения (преступники, нищие и бездомные, лица, злоупотребляющие психоактивными веществами и т.п.). Однако проблемы с интеграцией в модернизационные процессы испытывают не только эти категории, но и те, кто «выключен» из контекста практической деятельности либо по возрасту (молодежь и пожилые люди), либо по состоянию здоровья (люди с ограниченными возможностями здоровья), либо находящиеся в другой сложной жизненной ситуации (многодетные и одинокие родители и их семьи). Социальная экслюзия этих групп населения проявляется в ограничении доступа к материальным и нематериальным благам, к правам и возможностям. В результате их ресурсный потенциал остается нераскрытым, а желание и готовность осуществить модернизацию различных областей своей жизни – нереализованными⁷. Причем среди блокирующих факторов включения данных групп в модернизационные процессы весьма значительное место занимают *ментальные стереотипы*, существенно ограничивая их экономическую независимость и возможности самореализации.

⁶ Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9-23. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.1

⁷ Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. Москва, 2010. Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html (дата обращения: 17.09.2018).

Ментальные барьеры и стереотипы поведения населения (неэкономические «агенты»), наряду с экономическими факторами, обуславливают не только уменьшение трудовых ресурсов, но и ограничение полной и эффективной реализации их трудового потенциала, увеличивают нагрузку на экономически активную часть населения, способствуют повышению социальной напряжённости, создавая общество неравных возможностей. В этой связи представляется, что социальная инклюзия (разработка и применение конкретных решений, позволяющих каждому человеку равноправно участвовать в общественной, трудовой жизни) будет способствовать максимальному использованию ресурсного потенциала всех групп населения и активизации модернизационных процессов, модернизации сознания (как присущей только людям и связанной с языком функции мозга) в том числе.

Актуальность поиска механизмов преодоления ментальных стереотипов в жизни социально уязвимых категорий населения России для активизации модернизационных процессов в стране послужила поводом для проведения масштабного исследования в регионах Северо-Западного федерального округа, которое в 2016 г. было поддержано Российским научным фондом.

Целью проекта стал комплексный анализ ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для оценки их потенциальных возможностей включения в процессы модернизации регионального сообщества; обоснование и расширение теоретико-методологических основ исследования ментальных факторов общественного сознания в социальной инклюзии. Проект предполагал также решение практических задач: разработку механизмов преодоления ментальных барьеров, поиск управленческих решений по формированию общества равных возможностей как фактора активизации модернизационных процессов.

Для углубленного анализа были взяты четыре группы населения, которые считаются нуждающимися в поддержке (пожилые люди, инвалиды, многодетные семьи и молодые специалисты). Всех их объединяет общая проблема – наличие трудностей материального обеспечения, обусловленных ограниченными возможностями в трудовой сфере (*предвзятость работодателей*, ограничивающих прием на работу молодежи, не имеющей стажа, молодых матерей с маленькими детьми, пожилых людей и инвалидов; *гендерные стереотипы работодателей*; *отчуждение* инвалидов от участия в общественной жизни, пользования общими социальными благами и т.д.). Для отслеживания данных процессов, с учетом

всего разнообразия каналов социальной интеграции, был выбран именно рынок труда, доступ к труду, как источнику материального благополучия и социального одобрения.

Информационную базу исследования составили данные ряда социологических исследований, проведенных в рамках проекта:

1. Опрос «Социокультурная модернизация регионов» проведен в две волны, в 2016 и 2017 гг., методом анкетирования по месту жительства в ряде регионов Северо-Западного федерального округа: в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях и в Республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составил в 2016 г. 3101 человек, в 2017 г. 3108 человек; ошибка выборки не превышает 5%.

2. Глубинное интервью пожилых людей (20 человек в постпенсионном возрасте с учетом социального статуса).

3. Стандартизированное интервью лиц с ограничениями здоровья (100 человек с учетом степени ограничения трудоспособности).

4. Четыре фокус-группы молодых специалистов, с учётом пола, возраста, места жительства, социального статуса, профиля образования.

5. Четыре фокус-группы многодетных семей с отдельным и совместным участием супругов, представителей полных и неполных семей с разным социальным статусом, уровнем образования, материальным положением и занятостью, формально и истинно многодетных.

6. Интервью с экспертами – представителями органов власти, служб, общественных организаций, с учёными, занимающимися проблемами социально уязвимых категорий населения.

Дизайн исследования включал концептуализацию, теоретико-методологическое обоснование, анализ положения выбранных групп в региональном сообществе, в том числе, материального и социального статуса, выявление распространенных представлений о группе, о её «портрете», причин эксклюзии как со стороны общества, так и со стороны группы, разработку предложений по преодолению барьеров социальной инклюзии выбранных групп.

Первая глава монографии посвящена определению теоретико-методологических основ исследования, раскрывает смысл категорий эксклюзии, инклюзии, ментальности, стереотипа, а также уязвимость их связи и взаимовлияния; обосновывает роль социальной инклюзии в модернизации регионального сообщества. В главах со второй по пятую рассматри-

вается проблематика выбранных социально уязвимых групп населения: пожилых людей, инвалидов, многодетных семей и молодых специалистов. Последовательно проанализированы такие вопросы как, положение группы в социуме, наличие барьеров и социальной инклюзии в оценках общества и самих групп; акцент сделан на проблеме стереотипизации и предубеждений, как ведущем ментальном барьере социальной инклюзии, особенно в трудовой сфере. Шестая глава включает обобщение выявленных проблем, анализ нормативно-правовой базы социальной поддержки групп, оценку эффективности существующей системы работы и предлагаемые механизмы преодоления социальной эксклюзии.

Авторский коллектив выражает благодарность за содействие в проведении исследования начальнику департамента социальной защиты населения Вологодской области Каманиной Ларисе Владимировне, начальнику департамента труда и занятости Белову Олегу Михайловичу, директору Бюджетного учреждения социального обслуживания Вологодской области «Территориальный центр социальной помощи семье и детям города Вологды» Корчагиной Алёне Валерьевне, директору культурно-досугового центра «Забота» Кундиной Людмиле Борисовне, руководителям Вологодской региональной общественной организации «Объединение многодетных семей „Большая Семья”» Шустовой Елене Вадимовне и Оботуровой Алле Леонардовне, руководству Вологодского регионального отделения Всероссийского общества слепых.

Монография представляет собой итог работы по исследовательскому проекту № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества», выполнявшейся в 2016–2018 годах коллективом ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» под руководством члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук Ильина Владимира Александровича при финансовой поддержке Российского научного фонда.

ГЛАВА 1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ

1.1. Сущность социальной уязвимости: эксклюзия как основание выделения уязвимых групп населения

Понятие «социально уязвимые группы населения» применяется в юридической и экономической сфере, в практике деятельности благотворительных организаций. Теоретические исследования социальной уязвимости активно проводились за рубежом во второй половине прошлого века. Новый всплеск интереса к проблеме вызван изучением социальных рисков, инициированным в 1990-х гг. Всемирным банком⁸. В России требования изменяющейся социальной практики также актуализировали в начале 2000-х гг. исследования по вопросам уязвимости и оказания социальной помощи.

Концепции социальной уязвимости

В западной научной литературе социально уязвимые группы населения (socially vulnerable groups) выделяются в соответствии с концепцией, трактующей уязвимость как реакцию на риски, в т.ч. социальные. К основным компонентам риска относят: а) непосредственно сами рискованные события; б) управление рисками; в) результат с точки зрения потери благосостояния. Ключевую роль играют показатели величины, сроков и истории рисков и реагирования на риски. Домашнее хозяйство может смягчить риск или набор рисков либо справиться с ними в текущем периоде, но этот процесс может привести к ограниченной способности управлять рисками в последующие периоды, характеризующиеся нехваткой

⁸ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.

ресурсов⁹. Основные принципы концепции: перспективность (уязвимость определяется как вероятность переживания потери в будущем), временная зависимость, отношение к домашним хозяйствам в целом, зависимость степени уязвимости от характеристик риска и способности домохозяйства реагировать на риск, ограниченный доступ к активам и ограниченная возможность реагировать на риск. Решающее значение для понимания уязвимости домохозяйств имеет уязвимость отдельных лиц в рамках домохозяйства и ее динамика. Социальные действия могут снизить риск или степень подверженности риску, поэтому основным интересом социальной политики является исход процесса реагирования домохозяйства на риск с точки зрения потери благосостояния.

Экономический подход: концепции бедности

Экономические теории представляют уязвимость в рамках концепции бедности как результат реагирования на потенциальные угрозы. Уязвимые домохозяйства, по мнению экономистов, – те, которые перешли или могут перейти в состояние бедности или нищеты вследствие кумулятивного процесса риска и принятия ответных мер. Основным и наиболее удобным инструментом измерения уязвимости являются денежные показатели, особенно при оценке уязвимости к дефициту потребления. *Монетарный подход* использует показатели душевых доходов населения и прожиточный минимум как измерители уязвимости (концепции абсолютной бедности С. Бута, Л. Гордона, Н. Римашевской), а также медианный уровень экономического благосостояния (концепции относительной бедности П. Таусенда). Результаты исследования бедности и уязвимости населения Российской Федерации, проведенного авторским коллективом под руководством Л. Овчаровой, основаны на отнесении к бедным домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума, а остальные формы ограничения доступа к ресурсам предложено рассматривать как проявления уязвимости¹⁰.

При немонетарном подходе к измерению бедности как критерия уязвимости населения учитываются индексы возможностей и лишений, определяющие несоответствие уровня потребления отдельных домохозяйств принятому в обществе стандарту, отсутствие доступа к определенному набору благ.

⁹ Holzmann R., Jorgensen S. Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper // Journal of International Development. 1999. Vol. 11 (7). Pp. 1005-1027.; Siegel P., Alwang J. An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework. Washington, D.C : Human Development Network, Social Protection Unit, 1999. 85 p.

¹⁰ Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова. М. : ГУ-ВШЭ, 2005. 203 с.

Однако экономические концепции подвергаются критике именно за базовую презумпцию – что все потери могут быть измерены в денежном выражении. Теоретико-методологической проблемой концепции бедности является изучение лишь одного из многих аспектов уязвимости – уязвимости, получившей выражение в изменчивости доходов¹¹. Исследователи считают, что измерения только доходов или потребления домохозяйств ограничивают анализ состояния уязвимости (А. Coudouel, J. Hentschel): «Уязвимость представляет собой широкое понятие, охватывающее не только уязвимость доходов, но и такие риски, как те, которые связаны со здоровьем, ... являются результатом насилия или социальной изоляции ...»¹².

К теоретико-методологическим проблемам исследования уязвимости следует отнести необходимость учета динамики процесса и сложность сравнения различных видов уязвимости между собой вследствие несопоставимости отдельных категорий социальных рисков. Например, какой экономический критерий выбрать при сравнении уязвимости к болезни, социальным беспорядкам или к недостаточному образованию? Российские исследователи отмечают возникновение уязвимости к неуправляемой открытости российского общества, порождающей специфические риски, связанные с социальными страхами и тревогами по поводу пришедшей в жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера¹³. Локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм, где бы они не имели место, оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Кроме того, увеличивается производство новых маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска.

В качестве выхода рассматривают применение показателя «минимальный уровень качества жизни населения в различных сферах» и определение уязвимости как вероятности падения ниже этого уровня. Так, в работе L. Pritchett (Лэнта Притчетта) с коллегами уязвимость определяется как риск того, что домашнее хозяйство будет переходить в состояние бедности по крайней мере один раз в течение следующих нескольких

¹¹ Coudouel A., Hentschel J. Poverty Data and Measurement. Washington, D.C. : The World Bank, 2000. P. 34.

¹² Там же.

¹³ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М. : Альфа-М, 2009. 160 с.

лет¹⁴. Уязвимость, таким образом, определяется как вероятность падения ниже порога бедности в течение определенного периода времени. При этом домохозяйства имеют большую или меньшую степень уязвимости. По времени, проведенному домохозяйством в состоянии ниже черты бедности, различают структурную (связанную с хронической бедностью) и временную уязвимость (A. Coudouel¹⁵, M. Ravallion¹⁶). Недостатком данных предложений является необходимость измерения вероятности, связанной с будущими состояниями, для вычисления текущей уязвимости, что усложняет принятие управленческих решений.

Экономический подход: ресурсные концепции

В концепции, основанной на понятии активов (*asset-based approaches*), уязвимость связывается с состоянием бедности, которое рассматривается как следствие недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам. Материальные активы включают в себя землю, труд, капитал, сбережения (т.е. природные, человеческие, физические и финансовые активы). Нематериальные активы включают в себя социальные, институциональные и политические отношения, социальную инфраструктуру, а также местоположение¹⁷. В основу этой концепции положена способность домохозяйств управлять рисками за счет расширения ответов на риск: «Уязвимость населения также зависит от его активов... Обналичивание этих активов во время кризиса помогает людям выжить. Различия в типах и объемах таких активов, принадлежащих различным домашним хозяйствам и частным лицам, объясняют частично различия в их уязвимости»¹⁸.

В концепциях, связанных с источниками средств к существованию (*livelihoods literature*), уязвимость имеет две стороны: внешнюю сторону рисков, ударов, стресса и внутреннюю сторону, которая проявляется как незащитность, отсутствие средств для смягчения ударов или невозможность обойтись без возникновения убытков¹⁹. Сторонники данной концепции различают также «структурную» (*structural vulnerability*) и «уточ-

¹⁴ Pritchitt L., Suryahadi A., Sumarto S. Quantifying Vulnerability to Poverty: A Proposed Measure, Applied to Indonesia. – Washington, D.C. : The World Bank, 2000. 33 p.

¹⁵ Coudouel A., Ezemenari K., Grosh M., Sherburne-Benz L. Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies/. Washington, D.C. : The World Bank, 2000. 38 p.

¹⁶ Ravallion M. Expected Poverty Under Risk-Induced Welfare Variability // Economic Journal. 1988. vol. 98. Pp. 1173-1183.

¹⁷ Siegel P., Alwang J. An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework. – Washington, D.C : Human Development Network, Social Protection Unit, 1999. Pp. 10-12.

¹⁸ Eade D., Williams S. The OXFAM Handbook of Development and Relief. – Oxfam Publications : Oxford, 1995. P. 931.

¹⁹ Chambers R. Editorial Introduction: Vulnerability, Coping, and Policy // IDS Bulletin. 1989. Vol. 20 (2). Pp. 1-7.

ненную» (proximate vulnerability) уязвимость²⁰. Структурную уязвимость демонстрируют семьи, которые по своему составу более подвержены риску и стрессу (например, домашние хозяйства с нетрудоспособными членами): они сталкиваются с высокими рисками в инфраструктуре, имея при этом минимальные возможности для реагирования. Состояние уточненной уязвимости может меняться из года в год, т.к. уязвимость – это не устойчивое состояние, а развивающийся процесс²¹.

Экономико-правовой подход

Несмотря на указанные выше недостатки, именно монетарный подход, вследствие четкости критериев и наличия статистической информации, получает закрепление в российском законодательстве. При определении социально уязвимых слоев населения в российских законах применяется достаточно широкая формулировка – «малоимущие и социально незащищенные категории граждан», как, например, в Налоговом кодексе Российской Федерации (п. 8 ст. 217, п. 14 ст. 251 НК РФ)²². Однако в федеральном и региональном законодательстве конкретизировано лишь понятие «малоимущие граждане» по критерию среднедушевого дохода семьи (дохода одиноко проживающего гражданина)²³. Семье присваивается статус малоимущей при значении среднедушевого дохода меньше прожиточного минимума. В этом случае человек (семья) получает право на адресную социальную помощь от государства. Таким образом, в соответствии с ФЗ от 20.08.2003 г. № 512 к категории малоимущих семей (малоимущих одиноко проживающих граждан) относят лиц в состоянии нуждаемости независимо от демографических характеристик, социального статуса, наличия работы, состояния здоровья²⁴. Отдельные социально незащи-

²⁰ Davis A.P. Targeting the Vulnerable in Emergency Situations: Who is Vulnerable? // The Lancet. 1996. – Vol. 348. Pp. 868-871.

²¹ Davies S. Adaptable Livelihoods. Coping with Food Insecurity in the Malian Sahel. New York : St. Martin's Press, 1996. 24 p.

²² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : принят ФЗ от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²³ Ст. 5 Федерального закона от 20.08.2003 г. № 512 «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи». Сам перечень видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512 (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2005 № 847).

²⁴ Кожевников Д.Е. Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2010. С. 13-14.

щенные категории граждан (несовершеннолетние в трудной жизненной ситуации, инвалиды и участники Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, блокадники, дети-сироты, инвалиды и др.) указаны в других федеральных законах²⁵.

При реализации экономико-правового подхода на практике органы государственной власти сталкиваются с множеством противоречий. Является ли признак отсутствия источника дохода необходимым и достаточным основанием для отнесения к социально уязвимым слоям населения? Ведь уровень среднедушевого дохода не считается достоверным критерием бедности. Уровень жизни определяется не только текущими денежными доходами, но и в целом имущественным положением. С точки зрения М.И. Маллаевой и Х.М. Хаджалова гораздо нагляднее демонстрируют уровень жизни показатели объема и структуры потребления²⁶.

Социологический подход

Представители социологического подхода считают, что такие показатели, как доход или потребление, не в состоянии адекватно описать состояние уязвимости. Социологи чаще обсуждают уязвимость социальных групп с точки зрения их социально-демографических характеристик или социального статуса²⁷, а именно выявляют группы, которые в целом можно отнести к уязвимым (пожилые люди, инвалиды, дети в трудной жизненной ситуации, семьи матерей-одиночек, многодетные семьи).

Социальный антрополог Кэролайн Мозер (С. Moser) определяет уязвимость как «отсутствие безопасности благосостояния отдельных лиц, семей или общин в условиях меняющейся среды»²⁸. Она отмечает, что концепция уязвимости более полно отражает процессы изменения, а анализ уязвимости включает в себя как саму угрозу, так и устойчивость к риску – способность использовать все возможности, чтобы противостоять угрозе и оправиться от негативных потрясений.

²⁵ Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»; Федеральный закон от 12.01.1995 (ред. от 16.10.2012) № 5-ФЗ «О ветеранах»; Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 29.02.2012) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

²⁶ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 22.

²⁷ Loughhead S., Mittai O. Urban Poverty and Vulnerability in India: A Social Perspective // Social Change. 2000. Vol. 30. Pp. 33-54.

²⁸ Moser C. The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies // World Development. 1998. Vol. 26 (1). P. 2.

Социологи предлагают расширить определение активов и помимо физических и финансовых сфер включить в них социальный капитал и семейные отношения²⁹. Ряд авторов обращает внимание на то, что индивидуальная уязвимость не может быть отделена от понятия «социальная уязвимость»³⁰, ибо наличие связей между отдельными людьми формирует коллективный характер уязвимости.

Концепция социального исключения (эксклюзии)

Особенно большое внимание распаду социальных связей уделяется в *концепции социального исключения*. Одним из аспектов социальной уязвимости является утрата связи человека с остальной частью общества. И в этом случае можно говорить о его социальном исключении (социальной эксклюзии), под которым Э. Гидденс понимал «механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока»³¹. Термин «социальное исключение» был введен Р. Ленуаром в 1974 году в работе «Les Exclus» для обозначения ситуации, в которой находятся отверженные, не включенные в системы социального страхования государства всеобщего благосостояния, и акцентировал внимание на неравномерном распределении благ в обществе и доступе к его ресурсам.

Гражданско-правовая редакция концепции в разрезе социальных прав и социальной справедливости связала с социальной изоляцией отсутствие у человека (группы людей) доступа к правам. Если в экономической концепции бедности сущность социальной уязвимости соотносится с доходом и низким материальным уровнем жизни, то определение социальной эксклюзии – с социальными правами, такими как право на труд, жилье, медицинские услуги или образование³². Согласно А. Сену, социальная эксклюзия возникает тогда, когда индивид лишается свободы предпринимать те действия, которые он считает необходимыми³³. А. Сен делает акцент на объективном сокращении возможностей личности (capabilities). Сущность социального исключения состоит в невозможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни, на

²⁹ Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton : Princeton University Press, 1994. 258 p.

³⁰ Kreimer A., Arnold M. Managing Disaster Risk in Emerging Economies [Electronic resource] // The World Bank. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/372441468740717582/pdf/multi-page.pdf>; Morrow B.H. Identifying and Mapping Community Vulnerability // Disasters. 1999. Vol. 23 (1). Pp. 1-18.

³¹ Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge : Polity Press, 1998. P. 105.

³² Lister R. Poverty, Key Concepts. – Cambridge : Polity Press, 2004. 252 p.

³³ Sen A. Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny [Electronic resource] // Asian Development Bank. – Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29778/social-exclusion.pdf>

которые у них есть все права: участие в политических процессах, рынках труда, системах образования и здравоохранения, культурной жизни общества. В смещении акцента с неравенства доходов на ограничение доступа к правам проявляется различие концепций эксклюзии и бедности³⁴.

Люди могут столкнуться с двумя различными видами эксклюзии: возникающей как результат намеренной политики и практики в обществе («активная») или комбинации социальных процессов, не являющихся намеренной попыткой отторжения («пассивная»). Факторы, ведущие к активному социальному исключению: дискриминационные практики, неравное положение в иерархии власти и институциональные барьеры, препятствующие доступу к государственным услугам и политическому участию. Как утверждает З. Бауман, даже при самых демократических режимах государство претендует на «право исключать»³⁵. Результатом социального исключения, как активного, так и пассивного, может стать ограничение человеческих возможностей. Ограниченные возможности в одной сфере могут привести к лишениям в других сферах жизни, способствуя процессу социального исключения.

В последнее десятилетие опубликованы работы, посвященные исследованию понятия социального исключения, таких отечественных ученых, как Ф. Бородкин (о ситуации и состоянии социальной эксклюзии), Н. Тихонова (о феномене социальной эксклюзии в России), В. Антонова, А. Дмитриева (анализ концептов социальной инклюзии и эксклюзии)³⁶. Вопросам междисциплинарного подхода к изучению социальной эксклюзии посвящены работы В. Шмидт³⁷. По мнению Н.Е. Тихоновой, описание происходящих сегодня в российском обществе процессов возможно с точки зрения вопросов «горизонтальной стратификации, индивидуализации рисков и социальной эксклюзии».

Согласно Ф. Бородкину, социальная эксклюзия характеризуется не только ситуацией отторжения, но и определенным состоянием, связанным с социальным статусом и самовосприятием человека, включающим

³⁴ Более подробно о различиях концепций бедности и эксклюзии см. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 160.

³⁵ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK : Polity, 2004. P. 21.

³⁶ Антонова В. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 151-170.; Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5-17.; Дмитриева А.В. Социальное выключение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98-114.; Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

³⁷ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 547-566.

чувство неполноценности, озлобленности, страха, отчаяния, подавленности, стыда³⁸. Статус социального исключения имеет множество критериев: бедность, ограниченные возможности трудоустройства и образования, недостаточный доступ к социальным и общественным сетям и мероприятиям, невозможность планировать собственную жизнь³⁹.

Концепция социальной эксклюзии помогает объяснить, почему не работают предложения экономической теории о преодолении бедности с помощью дотаций и пособий от государства. Дело в том, что люди, живущие на государственные пособия, подвергаются стигматизации и возрастает риск их отторжения от социальных ресурсов. Конструируется отношение к бедности как к обесцененному социальному статусу и причинность этого явления видится в индивидуальных особенностях личности: недостаточной целеустремленности, безволии, лени, низкой мотивации к труду и обучению, во вредных привычках. Формируется негативный образ представителя социально уязвимых групп в глазах более благополучного окружения – образ, демонстрирующий пессимизм, депрессивность, беспомощность, крайнюю бедность и неудачливость. Сложившийся социальный стереотип этой категории населения подвергает стратификации и их детей, заранее лишая важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокируя им возможности восходящей мобильности.

Приведут ли риски к социальной уязвимости и социальной эксклюзии, зависит от социально-экономической политики государства, определяющей результат взаимодействия данных рисков с социальными нормами, социальными институтами и моделями поведения. Одно из решений проблемы – в изменении отношения в обществе к людям, нуждающимся в поддержке, изменение сознания и восприятия у самих представителей рассматриваемых нами категорий.

Критерии социальной уязвимости

По мнению многочисленных исследователей, к числу важнейших критериев определения социально уязвимых групп населения как объектов социальной защиты сегодня следует относить объективные причины, не позволяющие индивидам обеспечить себе достойное существование. Причины при этом могут быть самыми различными: состояние здоровья, социальный статус, потеря кормильца, временная или постоянная нетру-

³⁸ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 6.

³⁹ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 40.

деспособность, возраст⁴⁰. Чаще всего они заключаются в невозможности осуществления индивидом трудовой деятельности и потере в связи с этим источника средств существования. Поэтому ряд исследователей предлагает в качестве главного другой критерий социальной уязвимости населения – трудоспособность⁴¹. Однако применение данного подхода к определению социально уязвимых групп населения также имеет недостатки. Например, нетрудоспособный гражданин может рассчитывать на поддержку семьи, а работник – получать очень низкую заработную плату, не обеспечивающую достойный уровень жизни. Как верно подмечено Н.М. Римашевской, «... работающие бедные – это чисто российский феномен»⁴².

Второй момент, на котором бы хотелось заострить внимание, это уязвимость российской семьи. Вследствие повышенной иждивенческой нагрузки в социально уязвимые группы населения часто попадают следующие категории семей: семьи с несовершеннолетними детьми, многодетные; неполные семьи; семьи, имеющие на попечении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; семьи с инвалидами, в т. ч. с детьми-инвалидами, а также семьи безработных; семьи одиноко проживающих престарелых; семьи вынужденных переселенцев. Поэтому работа с социально уязвимыми слоями населения должна быть частью семейной политики и основываться на тщательном определении групп семей, нуждающихся в социальной поддержке, и системе адресных мер ее осуществления. Кроме того, необходимо отдельно рассматривать категории, которые помимо низкого материального благополучия испытывают сильную дополнительную депривацию: бывшие заключенные, лица без определенного места жительства и др.

Учет региональной специфики

Возможно, следует связать социальную уязвимость не просто с низкими доходами, а с низким качеством жизни. В таком ракурсе появляются дополнительные критерии для выделения нуждающегося в социальной

⁴⁰ Лукьянова Т.Н. Совершенствование региональной системы социальной защиты социально уязвимых слоев населения: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. М., 2009. 29 с.; Мальцева Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. М., 2001. 178 с.; Сергеева Е.А. Социальная поддержка уязвимых семей (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2006. 151 с.; Покручина А.А. Политика социальной защиты уязвимых слоев населения (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2000. 21 с.

⁴¹ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 23.

⁴² Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33-44.

поддержке населения по причине того, что для современной России чрезвычайно важными факторами, влияющими на качество жизни населения, выступают характеристики региона (территория) и условия проживания. Наличие регионов с напряженной социально-политической обстановкой или неблагоприятными природно-климатическими условиями вызывает необходимость повышенного внимания к их жителям со стороны государства и даже выделения категорий населения (или семей), нуждающихся в социальной защите по критерию социально-территориального неблагополучия. Оно оказывает негативное воздействие на качество жизни, что в совокупности ставит на повестку дня вопрос о классификации территорий.

Регионы с напряженной социально-политической обстановкой характеризуются повышенной неустроенностью населения, вызванной военными действиями или активными миграционными процессами. Рост числа беженцев и вынужденных переселенцев, как представителей социально уязвимых слоев населения, относит регион к числу социально неблагополучных и повышает нагрузку на социальные статьи регионального бюджета.

К региональным факторам, способным повысить индивидуальные риски и повлиять на социальное исключение, относят: состояние рынка труда и базовой инфраструктуры, экологическую обстановку, обустроенность сельских поселений, связь между городом и селом, наличие социальных или межнациональных конфликтов.

Итак, под *социально уязвимыми категориями* населения мы понимаем группы населения, которые ограничены в настоящее время в доступе к материальным и нематериальным ресурсам или в отношении которых существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки социума.

Комплексный подход к явлению эксклюзии сочетает в себе основные положения экономических, социологических и психологических концепций.

Состояние и ситуации социальной эксклюзии

Современные экономические теории базируются на установлении взаимосвязей между трудовой занятостью, уровнем жизни и социальной активностью. Если первоначально эксклюзию приравнивали к состоянию бедности, то сейчас ученые сходятся во мнении о том, что понятие социального исключения значительно шире⁴³. Основное внимание социологов

⁴³ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 553-554.

сосредоточено на выделении групп населения, подвергнутых исключению или его риску, и соотношении эксклюзии с социальной мобильностью и социальным статусом лиц, исключенных из каких-либо жизненных сфер⁴⁴. В целом социологические и экономические подходы изучают эксклюзию как явление, одну из граней социальной реальности, и занимаются поиском ответов на следующие вопросы: каковы критерии оценки ситуации исключения из общественной жизни, какие процессы в обществе приводят к эксклюзии целые группы населения. Мы обозначили такой подход как ситуационный.

С точки зрения психологического подхода эксклюзия рассматривается как характеристика состояния человека. В основе личностного подхода лежит исследование стереотипов поведения, механизмов стигматизации, ценностно-мотивационной сферы личности и таких личностных характеристик, как локус контроля⁴⁵. Различие в характеристиках, критериях и механизмах составляющих⁴⁶ социальной эксклюзии (ситуации и состояния исключения) представлено в табл. 1.1.

Таблица 1.1. **Составляющие социальной эксклюзии: ситуация и состояние**

Ситуация социальной эксклюзии – объективированные обстоятельства	Состояние социальной эксклюзии – определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией
Характеристика ситуации 1) трудная жизненная ситуация 2) низкое качество жизни 3) пониженная конкурентоспособность 4) отчуждение 5) социальная дистанция	Характеристика состояний 1) переживаемые остро 2) переживаемые в течение длительного времени
Виды ситуаций – эксклюзия 1) от средств к существованию 2) социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности 3) от социальной жизни (поддержание социальных контактов) 4) от культурной жизни 5) образования	Виды состояний 1) ощущение бедности 2) одиночество 3) безысходность 4) беспомощность 5) ощущение несправедливости

⁴⁴ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 40.

⁴⁵ Липман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова ; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.; Московичи, С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

⁴⁶ Более подробно рассмотрено в работе: Смолева Е.О. Основные подходы к исследованию ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения // Социальное пространство. 2016. № 4. Режим доступа: <http://sa.vsc.ac.ru/article/2014>

Окончание таблицы 1.1

Механизмы эксклюзии 1) отсутствие доступа к основным механизмам интеграции 2) депривация 3) дискриминация в эффективной занятости 4) социальная стратификация 5) неадекватная реализация социальных прав 6) физиологические ограничения активной деятельности 7) социальные ограничения активной деятельности 8) высокая иждивенческая нагрузка	Механизмы эксклюзии 1) формирование чувства зависимости, снятие ответственности 2) заучивание определенных социальных ролей 3) закрытость, огораживание пространства 4) разделение на группы «своих» и «чужих» 5) прессинг нормативной системы
Индикаторы ситуации эксклюзии по отсутствию или недоступности 1) стабильная оплачиваемая работа 2) доход, обеспечивающий потребности домохозяйства 3) получение необходимой медицинской помощи 4) получение образования (в т.ч. детьми) 5) доступ к культурной жизни 6) адекватное жилище 7) возможность самостоятельных и автономных действий 8) доступность общения 9) доступность социальной помощи	Индикаторы состояний 1) доминирующие чувства, в т.ч. озлобленность, страх, отчаяние, подавленность 2) экстернальный локус контроля 3) неудовлетворенность жизнью 4) фрустрация 5) неразвитая структура потребностей или напряженность развитой системы потребностей
Источник: составлено авторами.	

Разделение социальной эксклюзии на две составляющие (ситуацию и состояние) перекликается с подходами, характерными для западной социологической традиции⁴⁷. Ситуация социальной эксклюзии описывает изучаемый феномен на макроуровне, с позиций общества, а состояние – на микроуровне, с точки зрения специфики жизненной ситуации членов эксклюзированной группы. В то же время выделение составляющих позволяет более четко фиксировать индикаторы эксклюзии, описывать ее механизмы.

Социальное исключение может быть определено как возникающее в связи с ослаблением одной или более систем, являющихся фундаментальными для функционирования общества⁴⁸. Например, Ф. Фаррингтон выделяет следующий ряд систем⁴⁹: социальная (семья, рынок труда, соседство, сообщество, общество); экономическая (ресурсы, рынок товаров и услуг); институциональная (законодательная система, образование, здраво-

⁴⁷ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

⁴⁸ Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony // Critical Social Policy. 1996. Vol. 16. Pp. 5-20.

⁴⁹ Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» [Electronic resource] // The Big Lottery Fund. Режим доступа: <http://www.nof.org.uk>

охранение, политические права); территориальная (демографическая, коммуникации, депривированные территории). Разногласия в научной среде возникают по количеству нарушенных систем в случае социального исключения. С одной стороны, речь идет о нарушениях только одной из этих систем⁵⁰, а с другой стороны, необходимым условием социального исключения считается нарушение функционирования нескольких систем. По мнению Р. Аткинсона, можно говорить о социальном исключении, когда «происходит ломка нескольких систем вследствие цепной реакции»⁵¹.

Эксклюзия чаще всего проявляется в форме недоступности качественного образования, культурной жизни и социального участия, поддержания социальных контактов (например, с живущими в другом городе родственниками); невозможности планировать собственную жизнь, устроиться на работу, иметь нормальное жилье, получить необходимую медицинскую помощь, обеспечить отдых⁵².

Факторы социальной эксклюзии

Существенными факторами эксклюзии являются недоступность для домохозяйства таких эффективных социальных механизмов решения проблем, как наличие стабильной и оплачиваемой работы (безработица), доступа к социальным сетям, эффективной социальной поддержки со стороны государства. К региональным характеристикам, способным повысить индивидуальные риски и повлиять на социальное исключение, относят: состояние рынка труда и базовой инфраструктуры, экологическую обстановку, обустроенность сельских поселений, связь между городом и селом, наличие социальных или межнациональных конфликтов.

Но чаще всего в качестве основных факторов эксклюзии ученые выделяют временную или постоянную нетрудоспособность, возраст⁵³ и другие характеристики, связанные с невозможностью осуществления индивидом трудовой деятельности и потерей в связи с этим источника средств существования⁵⁴. Хотя существует мнение, что «зависимость между дискриминацией в эффективной занятости и эксклюзией не прямая, а опосредован-

⁵⁰ Stroebe P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? // International Social Science Journal. 1996. Vol. 48. Pp. 173-189.

⁵¹ Atkinson R. Combating Social Exclusion in Europe: The New Urban Policy Challenge // Urban Studies. 2000. Vol. 37. Pp. 1037-1055.

⁵² Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

⁵³ Мальцева Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. М., 2001. 178 с.

⁵⁴ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 21-25.

ная факторами риска». Почему в своем исследовании мы также решили основное внимание уделить сфере трудовой деятельности? Наш выбор обусловлен тем, что она является и основным источником дохода для большинства населения, и полем личностной самореализации, и одной из основных сфер общения и социальных связей. Результаты, достигнутые в сфере трудовой деятельности, определяют самооценку и удовлетворенность жизнью.

Основываясь на приоритетном характере эксклюзии в сфере трудовой занятости, мы выделили следующие категории социально уязвимого населения:

- население предпенсионного и пенсионного возраста;
- инвалиды;
- молодые специалисты;
- семьи с несовершеннолетними детьми, в т.ч. многодетные; одинокие матери.

Общая особенность выделенных категорий в том, что их можно рассматривать как лиц с нереализованным трудовым потенциалом.

По данным российских исследований⁵⁵, наиболее защищенными во всех областях трудовой сферы чувствуют себя работники, находящиеся на пике трудоспособности (30–49 лет). Молодые специалисты наряду с неоправданно высокими зарплатными притязаниями имеют самые низкие индексы безопасности труда и защищенности права на представительство. Но общая тенденция состоит в последовательном и резком снижении защищенности на рынке труда с возрастом. В отношении пожилых людей часто возникает вопрос о том, стоит или нет рассматривать их исключение из сферы трудовой деятельности. Исследование этой проблемы⁵⁶ показало, что из 5 переменных, оказывающих наиболее сильное влияние на интегральный индекс эксклюзии пожилых, две относятся к сфере трудовой деятельности⁵⁷.

В семьях с несовершеннолетними детьми дискриминационным практикам в сфере занятости традиционно подвергаются женщины. По данным социологических исследований ВолНЦ РАН, у каждой десятой жен-

⁵⁵ Соболева И., Лакунина Л. Социальная защищенность в сфере труда: тенденции распределения и зоны уязвимости // Общество и экономика. 2010. № 1. С. 101-124.

⁵⁶ Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5. С. 83-94.

⁵⁷ Это вопросы: «Если вам сейчас предложат посильную работу, вы согласитесь работать или нет?» и «По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать новые знания и умения?». Коэффициенты сопряжения в обоих случаях составили 0,33.

щины создается впечатление, что ее права при приеме на работу ущемляются по гендерному принципу⁵⁸. Каждой пятой известно, что такие случаи происходят с другими женщинами⁵⁹.

Трудоустройству инвалидов препятствуют как физические барьеры среды, так и экономические, образовательные, информационные барьеры, барьеры социального отчуждения. Даже если человек со статусом «инвалид» трудоустраивается, низкая оплата труда на доступных инвалидам рабочих местах мешает профессиональной интеграции данной категории граждан.

Регулярная занятость и получение доходов от нее рассматриваются как «лучшая защита от социального исключения»⁶⁰. Противоположностью социального исключения, как процесса, является инклюзия как расширение возможностей участия в экономических, социальных, культурных и гражданских процессах людей, находящихся на периферии общества.

Р. Левитас утверждает, что понятие эксклюзии, появившееся изначально как инструмент описания разнообразных последствий бедности и неравенства, противопоставляется интеграции, причем преимущественно в рынок труда. Дихотомическая модель исключения и интеграции в упрощенном виде несет в себе идею о том, что работа обеспечивает не только доступ к материальным ресурсам посредством заработной платы, но и культурную интеграцию⁶¹.

Другие ученые считают, что социальной эксклюзии может быть противопоставлена лишь социальная инклюзия⁶². Выявляя факторы социальной эксклюзии, мы тем самым предопределяем направленность наших дальнейших действий по борьбе с социальным исключением путем воздействия именно на эти факторы и, следовательно, намечаем пути социальной инклюзии. Объяснительная концепция социальной эксклюзии опирается на процессы конструирования отношения к социально уязви-

⁵⁸ Социологический опрос населения Вологодской области на общеобластной выборке 1500 человек; распределение ответов на вопрос: «Испытывали ли Вы ущемления прав только потому, что Вы женщина?», 2014 год.

⁵⁹ Социологический опрос населения Вологодской области на общеобластной выборке 1500 человек; распределение ответов на вопрос: «Известны ли Вам аналогичные случаи при приеме и увольнении с работы среди ваших знакомых?», 2014 год.

⁶⁰ Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» [Electronic resource] // The Big Lottery Fund. Режим доступа: <http://www.nof.org.uk>

⁶¹ Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony // Critical Social Policy. 1996. Vol. 16. Pp. 5-20.

⁶² Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 12. С. 51-58.